

Геологический вестник

Дорогие участники и гости X Всероссийской открытой полевой олимпиады юных геологов

Наш представительный юбилейный форум в этом году проходит в Тюмени – столице огромного края.

Тюменская область обладает крупнейшим в России природо-ресурсным потенциалом, являющимся основой его экономики. Богатейшая минерально-сырьевая база области создана трудами ваших предшественников – геологов старших поколений.

В современной России при активной поддержке геологов - профессионалов, федеральных органов исполнительной власти успешно развивается и набирает силу детско-юношеское геологическое движение.

В недрах нашей планеты таятся несметные богатства, найти и осваивать их предстоит именно вам, мои юные коллеги.

Дорогие друзья! Очень надеюсь, что святое чувство геологического братства, возникшее на Олимпиаде, останется навсегда в ваших сердцах!

Надеюсь, что большинство из вас станет известными первооткрывателями месторождений, учеными и специалистами, в которых крайне нуждаются наши страны.

От имени Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Федерального агентства по недропользованию и от себя лично поздравляю Вас с открытием Десятой Всероссийской открытой полевой олимпиады юных геологов. С большим удовольствием приветствую все команды - участницы, а также команды из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Монголии.

Желаю всем участникам Олимпиады успехов в конкурсах и соревнованиях, новых знакомств, массы впечатлений, а также и хорошего отдыха. И пусть вас не удручает, что кто-то выигрывает, а кто-то будет побежден. Потому что побеждает Дружба и Геология!

Заместитель Министра
природных ресурсов и экологии Российской Федерации –
руководитель Федерального агентства по недропользованию

В.А. Пак

Дан старт X Всероссийской открытой полевой олимпиаде юных геологов

X Всероссийская открытая полевая олимпиада пройдет с 31 июля по 11 августа в Тюмени на базе детского лагеря «Алые паруса» и центра «Радуга».

Олимпиада откроется торжественным парадом с участием заместителя Министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации – руководителя Федерального агентства по недропользованию Пака Валерия Анатольевича, губернатора Тюменской области Владимира Владимировича Якушева, президента Российского геологического общества Виктора Петровича Орлова, академика, члена-корреспондента Российской академии наук Алексея Эмилевича Конторовича, представителей Комитета по геологии Республики Казахстан.

На традиционный геологический слёт школьников в Тюмень съезжаются ребята со всей России – от Калининграда до Магадана. На сегодняшний день свое участие подтвердили 46 команд. Борьбу за победу будут юные геологи из Москвы, Владивостока, Калининграда, Тулы, Томска, Новосибирска, Саратова, Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Нижневартовска, Липецка, Оренбурга, Омска, Новокузнецка, Магадана и многих других городов. Свои команды представят страны ближнего и дальнего зарубежья – республик Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Монголия.

Тематика X Всероссийской открытой полевой олимпиады юных геологов охватит разделы естествознания, а также вопросы практического применения знаний. Юные геологи будут состязаться за звание лучших в соревнованиях: «Геологический маршрут», «Геологический отчет», «Геологический разрез», «Гидрология», «Радиометрия», «Организация полевой стоянки», «Минералогия», «Палеонтология», «Основы техники безопасности», «Описание геологического памятника», «Шлиховое опробование».

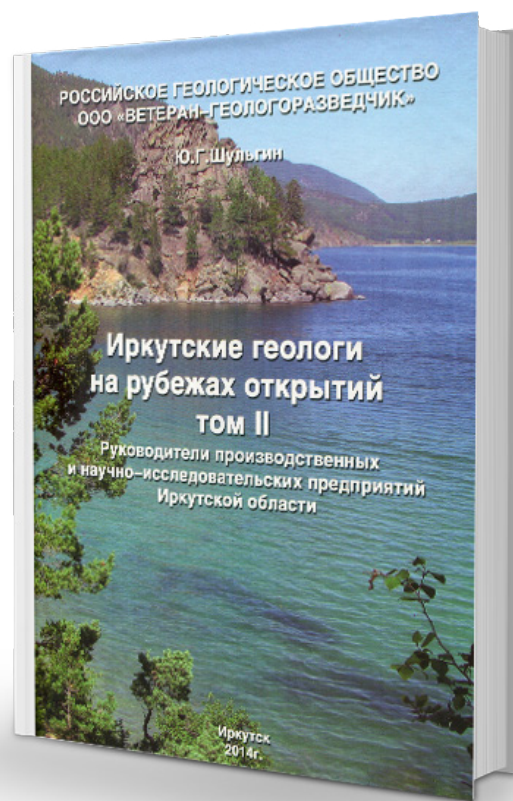
Впервые в истории олимпиады будет проводиться соревнование «Нефтяная геология». В рамках олимпиады ребята представят на суд жюри выставки «Геология и мы», «Фотографии», «Рисунки», «Поделки из камня», а также примут участие в спортивных соревнованиях и культурных мероприятиях.

История проведения геологических соревнований среди учащихся уходит корнями в далекий 1966 год. С тех пор каждые два года талантливые ребята со всей России и ближнего зарубежья собираются вместе, чтобы побороться за звание лучших. Места, в которых проходили за это время олимпиады юных геологов, постоянно менялись – Башкирия, Красноярск, Таганрог. Олимпиаду 2011 года принимал у себя Томск. В 2013 году она проходила в Казани. Затем эстафету подхватила Тюмень.

Ветераны геологии

Иркутские геологи глазами РосГео и ООО "Ветеран-геологоразведчик"

В 2011 году при участии Российского геологического общества «РосГео» и Общероссийской общественной ветеранской организации «Ветеран-геологоразведчик» Шульгиным Юрием Григорьевичем был подготовлен первый выпуск сборника очерков «Иркутские геологи». Первый том содержит в себе краткие биографические данные руководящих работников министерств и ведомств, начинавших свою трудовую деятельность в Иркутском регионе либо прошедших обучение в вузах Иркутска, а так же описан их вклад в геологическое изучение территории страны.

В книге была описана деятельность следующих руководителей: П.Я. Антропова, Б.М. Зубарева, И.К. Минеева, В.Е. Рябенко, Ф.М. Морозова, И.А. Кобеляцкого, А.Е. Наталенко и многих других.

Настоящий обзор представляет собой попытку обобщить в целом результаты геологоразведочных работ с послевоенного периода по настоящее время. Описанные геологоразведочные работы и перечень основных открытых месторождений не являются предметом специального исследования, а приведены для общего представления масштаба проведенных работ.

Поиски и разведка полезных ископаемых в значительных объемах начинались в Иркутской области еще в предвоенные годы.

Первый фонтан нефти в Иркутской области ударил в 1962 году. На его разработку было потрачено более 20 лет интенсивных

поисковых и разведочных работ. Благодаря настойчивости, упорству, научно обоснованному анализу и прогнозу геологи неизменно достигали своих целей. Так же в Иркутском регионе были найдены месторождения золота, редких металлов, урана, калийных солей и других полезных ископаемых.

Сложнейшие задачи по поиску и разработке месторождений полезных ископаемых преимущественно решались государственными предприятиями с четко поставленными целями и достаточно крупными объемами финансирования. Только в процессе решения важных и ответственных дел коллективами выдвигаются выдающиеся лидеры, формирующие в будущем геологические школы. Так и рождается целая плеяда квалифицированных кадров рабочих, специалистов, служащих, вырабатываются новые технологии, появляется более производительная техника.

В процессе поисков нефти и газа, золота, редких металлов и других полезных ископаемых в Иркутской области проявили свой талант и выдающиеся организаторские способности Иван Петрович Карасев, Владимир Викторович Самсонов, Виктор Васильевич Ткаченко, Марк Миронович Мандельбаум, Арнольд Иоганнович Серд и другие деятели, труд и талант которых описывается в данном очерке.

Второй том издания «Иркутские геологи на рубежах открытий. Руководители производственных и научно-исследовательских предприятий Иркутской области» представляет собой собрание очерков о жизненном пути и вкладе в геологоразведку 63 руководителей, среди которых генеральные директора, начальники, главные инженеры, главные геологи и заместители руководителей. Каждый из них внес значительный вклад в работу предприятий и достижение высоких геологических результатов, в основном, в период, предшествующий реорганизации геологической службы России.

Знакомясь с биографиями руководителей геологических организаций, приходишь к выводу, что это в основном выходцы из рабоче-крестьянских семей. Недостаток грамотности, как правило, компенсировался старанием, прилежностью и огромным желанием приобрести знания, тем более что политическая и экономическая обстановка в стране способствовала этому.

Биографии этих людей свидетельствуют о невиданном в те годы энтузиазме и подъеме в геологоразведке, в стремлении достичь цели и превзойти уже достигнутое, работать не жалея сил, преодолевая житейские, бытовые трудности и трудности самого производства. Специфика открытий и познание неизведанного привлекали в геологию молодежь. Имея возможность приобрести профессию с более комфортными условиями жизни, они все же предпочитали именно профессию геолога.

Среди крупных руководителей, деятельность которых связана с Иркутской областью, в первую очередь следует назвать Петра Яковлевича Антропова – министра геологии и охраны недр СССР, при котором разрозненные по отраслям геологоразведочные организации были объединены в единую государственную геологическую службу. В начале 30-х годов П.Я. Антропов возглавил Восточно-Сибирский геологоразведочный трест, базирующийся в г. Иркутске.

Так же хочется привлечь внимание к деятельности Зубарева Бориса Матвеевича. Ветеран Великой Отечественной войны иркутянин Борис Матвеевич более 20 лет осуществлял оперативное управление геологоразведочными работами в Российской Федерации и Советском Союзе. За высокий вклад в развитие минерально-сырьевой базы России Б.М. Зубарев помещен в Русскую портретную галерею геологов Музея земледелия МГУ.

Стремление к знаниям красной чертой проходит в жизни большинства руководителей. Многие из них приобретали вторые профессии, проходили обучение в вузах страны, а так же в аспирантурах. Приобретали дополнительные навыки в научном подходе и применяли их в оценке геологических результатов работы предприятия, становились кандидатами или докторами наук. Некоторые из них даже преподавали в вузах Иркутска: И.П. Карасев, М.М. Мандельбаум, В.В. Самсонов, В.Я. Розенбаум, В.М. Степанов и др.

Пресс-служба Роснедр

Календарь событий

1 августа
1904 года

родился Малышев Илья Ильич – геолог, государственный деятель, Министр геологии СССР (1946-1949). Илья Ильич родился в поселке Майкор Соликамского уезда Пермской губернии и был сыном рабочего. С 13 лет работал на Майкорском металлургическом заводе. В 1924 г. окончил рабфак Уральского университета, учился на горном факультете Уральского политехнического института. С 1932 года числился аспирантом в Академии Наук СССР. После окончания Уральского политехнического института работал заместителем директора Уральского отделения Института прикладной минералогии Академии Наук СССР и одновременно (1932-1937) в Геологическом институте Академии Наук СССР. С 1937 заместитель начальника и главный инженер Геологического управления Наркомтяжпрома СССР; с 1939 председатель Комитета по делам геологии при СНК СССР. В 1946-49 министр геологии СССР. С 1949 начальник Северо-Западного геологического управления, с 1952 во Всесоюзном институте минерального сырья, в 1957-71 председатель Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых при Совете Министров СССР. Под руководством Малышева в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны 1941-45 были организованы поисково-разведочные работы, приведшие к открытию месторождений полезных ископаемых, проведена апробация разведанных запасов. Малышев изучал закономерности образования и размещения месторождений титановых руд. Имя Малышева присвоено Старооскольскому геологоразведочному техникуму. С 1971 на пенсии.

6 августа
1786 года

года было положено начало отечественным исследованиям архипелага Новая земля. Задавшись целью отыскать минеральные богатства на Новой Земле и произвести её береговую опись (по поручению архангельского губернатора Голицына), штурман Федор Розмыслов на судне, снаряженном купцом Барминым, с небольшим экипажем 10 июля 1768 г. выехал из Архангельска и 6 августа был у берегов Новой Земли. Войдя в Маточкин Шар, он производил съёмки, затем в Белужей губе (в северной части Маточкина Шара) зимовал, производя всю зиму правильные м-теорологические наблюдения, а ранней весной – геодезические работы. Летом 1769, несмотря на потерю большей части людей и крайне плохое состояние судна, Розмыслов добрался до настоящего устья Маточкина Шара, но, за невозможностью плыть далее, должен был вернуться в Архангельск. Результатом его работ была опись Маточкина Шара, которая, по словам академика Литке, превосходит сделанную последним. Такой же отзыв о ней давали и позднейшие путешественники на Новую Землю. Ещё летом 1897 г. английские путешественники открыли следы зимовья Розмыслова в Белужей губе.

12 августа
2015 года

80 лет со дня рождения Анатолия Петровича Сорокина Сорокин Анатолий Петрович, член-корреспондент РАН, 1935 года рождения. Известен как ученый, организатор и руководитель научных исследований по палеогеографии, минерации и тектонике мезозойско-кайнозойских структур Дальнего Востока. Он автор более чем 160 научных трудов, в том числе 4 монографий и 6 Государственных геологических карт СССР масштаба 1:200 000. Анатолий Петрович окончил Горно-металлургический институт города Иркутска, по специальности горный инженер-геолог. Трудовая деятельность была начата в 1958 г. в Дальневосточном геологическом управлении Мингео СССР (ДВГУ, г.Хабаровск). В производственной геологической организации он прошел путь от старшего коллектора до главного геолога Амурской геологоразведочной экспедиции (с 1965г. по 1979г. в г.Свободном Амурской обл.) и сложился как специалист по региональной геологии и минерации. В 1981г. трудовая деятельность А.П.Сорокина была продолжена в системе Дальневосточной академии наук в Амурском комплексном научно-исследовательском институте ДВНЦ в должности заведующего лабораторией палеогеографии. В 1983 году присваивается ученое звание старшего научного сотрудника. Областью научных исследований А.П.Сорокина являются процессы формирования морфоструктурных неоднородностей, седиментации и условий образования месторождений полезных ископаемых (неметаллы, уголь, россыпи и др.). Результаты научных исследований послужили основой для защиты докторской диссертации, и в 1990 году ему была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук. Активная научная деятельность способствовала его назначению в 1984 г. заместителем директора АмурКНИИ по научной работе, а в 1992 г. – первым заместителем Председателя АмурНЦ ДВО РАН. В 1993 году присваивается ученое звание профессора. А в 1995 году избран член - корреспондентом Академии инженерных наук Российской Федерации, и через два года, в 1997г. избран член-корреспондентом Российской Академии наук по Отделению геологии, геофизики, геохимии и горных наук.

21 августа
1970 года

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР было установлено почетное звание «Заслуженный геолог РСФСР». Заслуженный геолог РСФСР – государственная награда РСФСР. Почётное звание присваивалось Президиумом Верховного Совета РСФСР и являлось одной из форм признания государством и обществом заслуг отличившихся граждан. Званием «Заслуженный геолог РСФСР» награждались за заслуги в развитии геологоразведочного производства, укреплении минерально-сырьевой базы, научном обосновании направлений геологоразведочных работ. Так же награда присуждалась за поиски, открытие, разведку и передачу в промышленное освоение месторождений полезных ископаемых, разработку и внедрение экологически чистых технологий, подготовку кадров и работающим в геологических организациях и научных учреждениях 15 и более лет. Звание было присвоено: Ахматову Борису Георгиевичу - начальнику геологического отдела объединения "Печоргеофизика", Коми ССР.

18 августа
2015 года

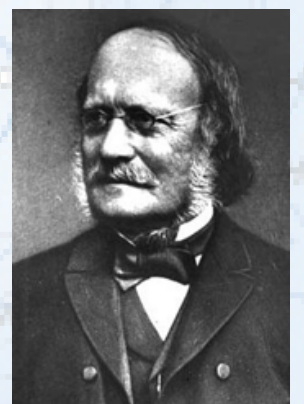
Фарман Салманов принял самостоятельное решение по разработке нефтяного месторождения в Сургуте. Фарман Салманов стал одним из главных организаторов геологоразведочных работ в Западной Сибири в то время, когда этот регион еще считался неперспективным. К этому Фарман пришел стремительно – после получения высшего образования, его отправили разрабатывать месторождения нефти в Кузбассе. Начинающий геолог очень быстро понял, что там нефти нет, и принял 18 августа 1957 года самостоятельное решение без согласия начальства перебросить партию в Сургут. За этот смелый поступок Фармана Курбан-оглы пытались отстранить от работы и даже судить. Но после того как 21 марта 1961 года первая скважина в районе Мегиона дала фонтан нефти, всем своим оппонентам удачливый нефтяник отправил письма единого содержания: «Уважаемый товарищ, в Мегионе на скважине № 1 с глубины 2180 метров получен фонтан нефти. Ясно? С уважением, Фарман Салманов». На это все без исключения оппоненты дали свой отзыв – это природная аномалия: через пару недель скважина иссякнет и большой нефти в Западной Сибири не может быть. А после того как в районе Усть-Балыка забил второй фонтан, Салманов отправил начальству радиограмму: «Скважина лупит по всем правилам». А генеральный секретарь ЦК КПСС Хрущев получил телеграмму с дерзкой формулировкой: «Я нашел нефть. Вот так, Салманов». Учитывая и эти факты жизни прирожденного геолога, советник посольства Азербайджанской Республики в Российской Федерации Агшин Алиев подчеркнул, что в каждой капле сибирской нефти есть заслуга Фармана Салманова. То, что сделал Салманов, называли открытием 20 века, но оно и по-прежнему остается важным как для области, так и для страны в целом, подчеркнул инициатор установки памятного знака и президент группы компаний «СибНАЦ» Анатолий Брехунцов. В своей книге «Сибирь – судьба моя» Салманов напишет: «Мы верили в нефть Западной Сибири. И бились за то, чтобы доказать свою убежденность открытиями. И мы доказали!».

29 августа
1937 года

родился Белонин Михаил Данилович – доктор геолого-минералогических наук, действительный член Российской академии естественных наук, Нью-Йоркской академии наук и Национальной инженерной академии Армении. За серию работ по теме "Теоретические основы, методология, система методов количественного прогноза нефтегазоносности и результаты их практического применения" в 1986 году был удостоен премии имени И.М. Губкина. В 1996 году Михаил Данилович работал над созданием атласа карт нефтегазоносности недр России, за что был награжден премией Правительства РФ. Под руководством Белонина М.Д., а так же других ученых и практиков, во всероссийском нефтяном научно – исследовательском геологоразведочном институте (ВНИГРИ) были созданы и развиваются научные направления и школы, ставшие фундаментом отечественной нефтяной геологии.

31 августа

200 лет со дня рождения Генрих Эрнст Бейрих (1815 – 1896) - немецкий геолог и палеонтолог, член-корреспондент Петербургской академии наук с 1876. Генрих Эрнст Бейрих родился 31 августа 1815 года в городе Берлине. Проявил склонность к изучению наук ещё в средней школе, по окончании которой поступил в Берлинский университет, где хотел изучать ботанику, зоологию и геологию, однако, под влиянием Христиана Самуэля Вейса, целиком посвятил себя последней. Затем, для продолжения образования направился в Боннский университет, где изучал палеонтологию под началом Георга Августа Гольдфуса. Состоял профессором геологии в Берлинском университете и председателем прусского Геологического университета. Как профессор, он известен своими геологическими изысканиями, произведенными по методике Христиана Леопольда фон Буха. Также, под его руководством составлена (в масштабе 1:25000) «Геологическая карта Пруссии и государства Тюрингии». Кроме того, Бейрих напечатал ряд статей по геологии в «Annalen» Потгендорфа, в «Archiv» Карстена и в другие немецкие издания. В 1857 году получил место ассистента в Минералогическом музее Берлина, который дополнил своими палеонтологическими коллекциями, которые собрал во время научных командировок. В том же году он стал инициатором основания Германского геологического общества. В 1875 году Бейрих был назначен директором объединенного музея естественной истории. Генрих Эрнст Бейрих скончался 9 июля 1896 года в городе Берлине. Состоял в браке, но наследников после себя не оставил. В его честь был назван минерал бейрихит.

Барташевичу Юрию Александровичу - главному геологу Ханты - Мансийского производственного геологического объединения Главтюменьгеологии. Березовскому Николаю Степановичу - генеральному директору объединения "Тюменьпромгеофизика". Васильеву Извилю Порфирьевичу - главному геологу объединения "Новосибирскгеология". Гукасяну Гургену Овакимовичу - заместителю генерального директора объединения "Невскгеология", город Ленинград. Жабину Виктору Федоровичу - заместителю начальника научно - производственного комплекса института "Союзгипроводхоз", город Москва. Желобаеву Алексею Алексеевичу - заместителю главного инженера института "Союзгипроводхоз", город Москва. Иванову Александру Владимировичу - главному геологу гидрогеологической экспедиции объединения "Гидро-спецгеология", Московская область. Кобылкину Игорю Алексеевичу - управляющему Западно - Прикаспийским геофизическим трестом, Волгоградская область. Мухаметзянову Ревалу Нурлыгаяновичу - главному геологу - заместителю генерального директора объединения "Ноябрьскнефтегаз", Ямало - Ненецкая Республика. Проворову Виктору Михайловичу - заведующему отделом Камского научно - исследовательского института комплексных исследований глубоких и сверхглубоких скважин, Пермская область. Садекашину Давиду Исааковичу - начальнику Нарьян - Марского вышшекомнатного управления объединения "Архангельскгеология". Серых Николаю Михайловичу - генеральному директору объединения "Кварцсамоцветы", город Москва. Сибгатулину Виктору Газизовичу - генеральному директору объединения "Енисейгеофизика", Красноярский край. Цопанову Олегу Хаджумаровичу - главному геологу отдела рудных и нерудных минеральных ресурсов Министерства геологии СССР.

Каменная палитра

Гармония красоты и формы

После завершения в 1991 г. активных занятий горным туризмом я как-то незаметно перешел к коллекционированию минералов и каменных яиц. И сразу же всецело отдался этому хобби, сочтя его увлекательным и достаточно безопасным, если не брать в расчет связанные с этим дополнительные финансовые затраты. Своими впечатлениями о захватившем меня увлечении хочу поделиться с уважаемыми читателями.

Давно уже обратил внимание на то, что кто бы ни увидел каменные яйца впервые, их руки непроизвольно тянутся к ним – таким ярким, гладким, блестящим, с неповторимым рисунком. Хочется каждое из них рассмотреть со всех сторон, подержать в ладонях и согреть своим теплом, словно они настоящие и в каждом из них теплится жизнь некой райской птицы. Именно так все и произошло со мной. Как-то в середине 90-х годов на одной из минералогических выставок-ярмарок я дотронулся руками к тогда еще немногочисленным и бывшим в диковину яйцам, сделанным из различных камней. И что-то вдруг произошло. Для начала я решил преобразовать в них свои невзрачные образцы, хранившиеся уже в течение многих лет, как и у многих других геологов в ящиках и брезентовых мешках на балконе, в гараже или на даче. Такие не продашь и подарить стыдно, а выбросить жалко, они дороги нам как память о прошлых геологических буднях, о коллегах и любимых. И получилось очень даже неплохо, в компактной коллекции удачно совместились постепенно стирающаяся память и увлекательное, все более и более захватывающее хобби.

Сбор первых двух-трех сотен яиц дался легко, а затем начались проблемы, связанные с поиском редких по минеральному составу камней, либо отличающихся высокой декоративностью.

Сырье собрано, главным образом, в процессе многочисленных отпускных поездок по стране, во время которых я исколесил ее вдоль и поперек, – от Карелии до Приморья и от Кавказа до Полярного Урала. Кроме того, приходится посещать все самоцветные развалы-ярмарки, а также просить выезжающих за границу друзей привезти оттуда небольшие по размеру оригинальные камешки. Подавляющее количество яиц изготовлены сыном Романом кустарным способом в домашних условиях, либо в фирмах на заказ из своего сырья и только порядка 10 штук куплены готовыми.

При создании коллекции использовано свыше 130 минералов (это только доминирующих в объеме каждого изделия, имеющих общепринятые названия, не считая торговые и сугубо местные, а также редких минералов в виде мелких выделений) и более 45 наименований горных пород. Коллекция представляет минералы в широком диапазоне их систематики, условий образования (генетический тип месторождения), применения (рудные, ювелирные, поделочные и т. д.) и физико-механических свойств – от самых мягких (тальк, слюды) до очень твердых самоцветов (топаз, корунд). Также широко представлена и география происхождения камней – 33 страны мира, при этом охвачены все континенты, за исключением покрытой льдами Антарктиды.

Подобные коллекции формируются по разным принципам: им может быть определен размер яиц (обычно небольшой, до 4 см в длину) или, например, каждый минерал представляет только одно яйцо. С последним категорически не согласен. Ведь при этом отсекается огромное количество одноименных по названию камней, но различных по цвету или рисунку минерального агрегата (флюорит, кальцит,

агат, яшма и т. д.). Ведь даже, казалось бы, самый обычный апатит, типичный для Ковдора, Хибин, Урала или Слюдянки, – и тот везде выглядит совершенно по-разному. Поэтому яйца, изготовленные из одного минерала, но добытого в разных местах, лежащие рядом будут разительно отличаться друг от друга. А какое щедрое цветовое разнообразие у турмалинов, а если они вдобавок к тому еще и просвечивают, то поверьте, от них просто невозможно отвести взгляд. Многоликости агатов и яшм вообще нет предела, это же какой-то нескончаемый маскарад неповторимых разноцветных узоров. Даже один взгляд на них уже создает хорошее настроение и будит фантазию! А как прикажете быть с тем же кварцем, который иногда так бывает «засорен» (но благодаря этому и облагорожен) включениями рутила, гематита, турмалина, хлорита, серицита или

сульфидов, что из рядового поделочного камня превращается в прекрасное ювелирное и коллекционное сырье. Яйца из такого кварца редки и очень востребованы, поскольку многократно выигрывают в декоративности. Обратите внимание, как обворожительны кварцевые «волосатики» и авантюрины. Как будоражат воображение сияние золотисто-бронзовых волосков или иголок рутила с полярно-уральских и бразильских месторождений или пестроцветная игривая искристость гематитовых чешуек якутского кварца с месторождения Соунтит. Прелестны также кварцы с заключенным в них «снегом» (серицит) или зеленым «мхом» (хлорит). Ну и, конечно же, невероятны кварцы с загадочными призрачными «замками-фантомами», это же апофеоз удивительной игры природы!

Большие они или маленькие по размеру – даже неважно, любые из них по-своему хороши и интересны. В более крупных – лучше проступает рисунчатость камней, т. е. структурная особенность горных пород и цветовой контраст обособлений различных минералов, а также, если хотите, лучше видны их генетические взаимоотношения. А «малыши» обычно мономинеральны и очаровательны своей чистой и яркой окраской, а если к тому же они еще и прозрачны!..

Хочу сказать, что яйца лучше рассматривать не на витрине, а взяв в руки. Только так, при вращении, они по-настоящему заиграют, засветятся и откроются с самой выигрышной стороны, а может, даже и впустят вас в свой увлекательный мир, прекрасный и непознанный.

Есть такие яйца, которыми я горжусь, считая редкими в аналогичных коллекциях, – экземпляры из енисейского пирохлора, намибийского пурпурита, рубидиевого мусковита с Восточных Саян, сарановского уваровита, казахстанского диоптаза, мальшевского фенакита, австралийского «зебрового камня» и некоторых кварцев с включениями. Есть у меня и свои «любимчики»: среди них – бесподобно красивый семипалатинский агат с кварцевой щеткой внутри полости, по-королевски благородный амблигонит золотистого оттенка из Бразилии, корунды – индигово-синий с Ильменских гор и малиновый из Танзании, розовая шпинель из Таджикистана, необычайно витиеватый дендроскарн из Дальнегорска, изумрудно-зеленый, почти ювелирный инаглинский хромдиопсид, ископаемый наutilus с Мадагаскара и сетчатый коралл из Ирана.

За окном зима – а кто-то уже с нетерпением ждет желанное лето, а с ним и

Гипсовая роза. Мексика.

Каменная палитра

отпуск, когда можно будет снова отправиться в самостоятельную экспедицию, в незатронутые цивилизацией места с известными только узкому кругу профессионалов проявлениями красивых и редких камней. Туда, где можно будет найти новые образцы для пополнения своей коллекции и зарядиться незабываемыми впечатлениями на следующий год. А в ожидании летнего путешествия – читает необходимую литературу и многократно проверяет готовность инвентаря и походного снаряжения. А буйный полет фантазии и надежда на фарт уже рисуют моменты удачи, а в руках – уникальные образцы невероятной красоты, которые станут гордостью любой коллекции.

Трудно передать словами то трепетное чувство, которое сопровождает поиск: когда сначала удается лишь увидеть на стенке вскрытой полости щетки блестящих кристаллов или пока еще вслепую почувствовать кончиками пальцев их вожделенную остроконечность. Но вот наконец-то извлеченные из пустоты прохладные, слегка влажные и девственно чистые кристаллы и друзы уже в руках. До чего же они яркие и необыкновенно прекрасны, пока с их поверхности не испарилась влага самоцветного погребка! На наших глазах произошло явление на свет чуда. В душе – бурный восторг, сердце – готово вырваться из груди! Вот в такой момент красивые камни и покоряют наше сознание навсегда. Ради того, чтобы вновь испытать это состояние, коллекционер готов ждать годы, преодолевать огромные расстояния, терпеть походную неустроенность, холод, страх быть заваленным в собственной или давно заброшенной горной выработке, бесчисленные укусы комаров и огромную физическую усталость.

Тематика и назначение коллекции минералов весьма разнообразны. Коснусь лишь самого массового вида – индивидуального коллекционирования минералов. Сразу оговорюсь, что к этой группе увлеченных людей я не отношу собирателей, а точнее, покупателей крупных друз и ярких, эффектных штучков для столь модного и престижного в последнее время украшения жилых помещений и офисов.

Элитой среди коллекционеров считаются те, кто собирает уникальные, в том числе оригинальные и высоко декоративные, образцы драгоценных камней (попросту делается заказ на лучший материал с предоплатой и выкуп его прямо на месте добычи). По-видимому, именно в таких образцах римский историк Плиний Старший видел «величие творений природы, воплощенное в малых размерах». Только в этом случае речь идет о самых крупных (в данном минеральном виде) бездефектных кристаллах совершенной формы и друзах с яркой окраской минералов, высокой прозрачностью и исключительной степенью сохранности. Из-за чрезвычайно высокой стоимости такие образцы практически недоступны даже ведущим музеям мира. А потому эти уникалы оседают в частных собраниях-музеях, представляющих собой бронированные комнаты, или в банковских сейфах, где они надежно скрыты от любопытных глаз и преступного мира.

Часто задают вопрос – что в основном собирают любители минералов? Тут, конечно же, многое зависит от наличия средств у коллекционера, которые он может потратить на любимое хобби без нанесения серьезного ущерба семейному бюджету (рядовые или эксклюзивные, т. е. дорогие), размера выделяемой для размещения коллекции площади (крупные штучки или мелкие образчики, вплоть до миниатюрных), а также от личного пристрастия к какому-либо конкретному минералу. Чаще всего собирают образцы отдельных кристаллов и их сростки, небольшие друзы, жеоды и натечные образования, т. е. все, что привлекает своей естественной красотой и эстетичностью. Невозможно пройти равнодушно мимо этой красоты, поэтому не удивительно, что многие знаменитые персоны в прошлом увлекались коллекционированием минера-

лов. Благодаря их стараниям пополнялись коллекции крупнейших геологических институтов и музеев. Среди них были такие известные государственные деятели, как дипломат Г.Х. Струве, Министр народного просвещения А.К. Разумовский, Министр иностранных дел Н.П. Румянцев. Академик В.И. Вернадский писал, что «среди минералогов-любителей в XVIII–XIX веках были замечательные люди: сановники и богачи, крестьяне и горные служащие». Да и сегодня коллекционирование камней является страстным увлечением людей, зачастую совершенно далеких от геологии (В.А. Пелепенко в Екатеринбурге, Б.З. Кантор в Москве, В.Н. Жигалов в Слюдянске и др.).

Чувство любви к камням проснулось во мне еще в детстве, но до поры до времени это был лишь бессистемный и случайный сбор красивых камешков. Немногочисленные минералы и горные породы на самодельных деревянных стеллажах долго не залеживались. Поэтому я сейчас иногда весьма жалею о том, что практически ничего не сохранилось с места моей первой работы в Восточном Казахстане на месторождениях редкометалльных пегматитов. А какими эффектными были друзья горного хрусталя, берилла, полихромного турмалина, лепидолита! Радует лишь то, что все образцы я раздарил любимым и дорогим мне людям.

Серьезное знакомство с цветными и коллекционными камнями произошло в середине 90-х годов, когда я работал в одной фирме по производству ювелирно-поделочных изделий. Тогда мне часто приходилось посещать ювелирные и минералогические выставки-ярмарки, а также общаться с геологами-самоцветчиками.

Увлечение камнями сильно укрепилось во мне в начале 2000-х годов после знакомства с известнейшими в стране знатоками цветных и коллекционных камней К.К. Атабаевым и В.С. Чернавцевым из ФГУП «Центр кварц», Е.П. Мельниковым из МГГУ, Е.Е. Драмшевой и Д.В. Лисицыным из музея «Самоцветы». Именно тогда я стал посещать минералогические музеи, читать специальную литературу и целенаправленно ездить по стране в поисках

новых образцов. За прошедшее десятилетие мне удалось побывать на ряде интересных объектов Урала (Желанное, Астафьевское, Мурзинские и Изумрудные копи), Алтая (рудник «Веселый», Калгутинское), Южной Якутии (Инаглинское), Северного Кавказа (Белореченское, Эльбрусское), Прибайкалья (Слюдянка), Забайкалья (Малханское), Мурманской области (Ковдор, Хибины) и Приморья (Дальнегорск). Но все-таки большую часть лучших образцов коллекции пришлось приобретать на ярмарках цветных камней «Самоцветный развал», проводимых регулярно 3 раза в год ООО «Галерея «Гемма» на ВВЦ. А связано это с тем, что геологоразведочные работы по камнесамоцветному сырью с началом перестройки были постепенно свернуты и выявление новых объектов прекратилось, при этом все ранее выявленные с поверхности уже разграблены, а многие из известных месторождений, служивших источниками попутной добычи коллекционного материала, прекратили свое существование.

Практически единственным объектом в стране, откуда продолжают поступать превосходные коллекционные образцы (сульфиды, кальцит, кварц, флюорит, да-толит, данбуриит, ильваит и др.), неизменно пользующиеся спросом на мировом рынке, остается Дальнегорская группа месторождений (ОАО «ГМК «Дальполиметалл» и ЗАО «ГХК «Бор» еще держатся на плаву). Наверное, поэтому изящные образчики из Дальнегорска составляют основу собраний «постперестроечных» коллекций, в том числе и моей. Не обладая ярким цветом (в основном у них приглушенно-пастельные тона), на фоне других образцов они выглядят внешне не очень выразительно. Зато для них характерно оригинальное сочетание различных минеральных ассоциаций с необычными кристаллическими формами минералов, позволившее создать природе такие неповторимые и эффектные друзы. Интересны формы кристаллов у кварца и, особенно, у кальцита. Многим очень нравятся так называемый резаный кварц и кварцевые двухголовки, совершенно лишённые граней призм. И наоборот, кристаллы кальцита здесь иногда имеют

форму вытянутой шестигранной призмы (внешне выглядят как незаточенные карандаши), что меня до сих пор не перестает удивлять, как и чрезвычайно хрупкий тонкопластинчатый папиришпат. А таких красивых образцов с нарастающими друг на друга кристаллическими массами галенита, сфалерита и пирротина, мне кажется, больше нет нигде в мире! Уникальное творение природы – «кальцитовый гриб» – является украшением и достоянием краеведческого музея г. Дальнегорска. Жаль, что немногие могут видеть это чудо.

Любая минералогическая коллекция сравнима с удивительной сказкой о подземных сокровищах, а каждое соприкосновение с камнем – с путешествием в мир прекрасного: в изумительный, неповторимый и загадочный мир минералов. Это встреча с молчаливыми посланцами далеких эпох, очевидцами грандиозных природных катаклизмов. Поэтому любую выставку камней можно рассматривать по большому счету как демонстрацию уникальных творений природы.

И пусть цветные и коллекционные камни находятся сейчас на задворках государственного финансирования геологоразведочных работ (ну какой в них прок, они ведь не греют, и на хлеб их не намажешь!) Но зато у них есть одно не просто важное, а бесценное предназначение – они призваны радовать нас своей естественной красотой, а это дорогого стоит. Я уверен, что музейные витрины с коллекционными минералами вызовут гораздо больший интерес, чем те, на которых, если абстрактно представить, лежали бы жизненно важные для бюджета страны золотые слитки или стояли банки с нефтью. Посетите любой минералогический музей или ярмарку – вы будете очарованы симфонией самоцветов и наверняка станете их поклонниками. Ну а мне, как и любому коллекционеру, будет приятно осознавать, что мое увлечение еще кого-то «заразило», пробудило интерес к самоцветам и сделало его жизнь более разнообразной, интересной, а может, и чуть более счастливой.

Евгений Ляшенко

Корунд (3,5см). Северная Карелия.

Разговор у костра

Сеймчанские
ТИПЫ

Продолжение.

Начало в №6(33) от 1 июля 2015г.

Николай Иванович

Иосиф Виссарионович как-то, попыхивая трубочкой, сказал: «Нэзамэнимых людей нэт». Можно по разному относиться к этому изречению и спорить на эту тему, но если взять масштабы нашей экспедиции и даже, пожалуй, всего посёлка, то Николай Иванович, безусловно, опровергал мнение вождя. В его небольших короткопалых руках с изувеченными пальцами на одной из них спорилась любая работа. Он умел буквально всё. Если нужен был подарок к приезду большого начальства, то звали Николая Ивановича, и он в очередной раз придумывал и выполнял что-то оригинальное; если нужно было смастерить («сварить») зимние сани для дальней заброски по тайге и тундре, то опять звали Николая Ивановича и он вместе с Рудаковым (с которым нередко и выпивал при этом) разрабатывал чертежи и затем принимал посильное участие в их изготовлении и испытаниях. Ну и, конечно, если что-то ломалось (электроприбор, пишущая машинка и т.д.) и наш «Быткомбинат» не мог починить, то вся надежда была на Николая Ивановича. В одном из двух экспедиционных помещений, представлявшем собой одноэтажный барак с длинным коридором по середине и называвшемся, кстати, Поляркой, поскольку в прежние времена здесь базировалась Полярная аэрогеофизическая экспедиция, у Николая Ивановича было два помещения, находившиеся в конце барака относительно главного (официального) входа. Однако с другой стороны барака был ещё один вход – прямо в эти помещения. Именно через этот вход Николай Иванович проникал к себе и с начала наступления рабочего времени, и в любое другое время; вечером же сюда заходили его близкие друзья и знакомые, либо те, кому надо было что-то починить или поблагодарить за произведённый ремонт и т.д. Значительную часть суток Николай Иванович проводил именно здесь. Здесь была его работа, здесь был клуб по интересам для тех, кто умел либо просто любил что-нибудь делать руками. Здесь он принимал заказы, здесь принимал и подношения, большая часть которых была в стеклянной таре. Инструментов у него было множество на все возможные и невозможные случаи жизни. Все инструменты, несмотря на их неказистый порой внешний вид, находились в великолепном состоянии. Николай Иванович всё время сыпал шуточками-прибауточками, пел частушки, рассказывал анекдоты и т.д. Не любил он молчать, а сплетни всякие очень даже любил – равно и слушать, и рассказывать.

Если к нему в мастерские приходил вечером новый человек с просьбой что-нибудь сделать или починить, то Николай Иванович недолго оценивал его и, если это был не

совсем безнадёжный «клиент-пациент», то подбирал инструмент (всякие там напильники, надфилёчки, тисочки, пилки по металлу и т.д.) и объяснял поэтапно что, как и чем надо делать. И поразительно: абсолютному большинству, действительно, удавалось на их же удивление вполне прилично справиться с поставленной задачей. Знаю по себе. В начале 70-х мне понадобилась портативная пишущая машинка. Достать её было невозможно; один знакомый, уезжавший на «материк», оставил мне машинку, но шрифт был нестандартный, мелкий. Я пошёл к Николаю Ивановичу для того, чтобы переписать шрифт. Надо сказать, что работа эта довольно тонкая, помимо паяльника и канифоли требует особого инструмента для того, чтобы выравнивать вновь припаянные буквы по вертикали и ширине. Однако благодаря данному мне инструменту и советам, я смог (хоть и с грехом пополам) справиться с этой, казалось, непосильной мне, задачей. Мне кажется, сам Николай Иванович испытывал удовольствие, когда ведомый им «клиент-пациент» заканчивал работу.

Несмотря на достаточно солидный возраст – за шестьдесят (он был 1909 года рождения), Николай Иванович вовсю интересовался женщинами и мог о них не только поговорить. На материке у него была жена и двое взрослых семейных сыновей ещё довоенных лет рождения. Они жили где-то под Ленинградом – то ли в Пушкине, то ли в Сестрорецке (не помню) и оба имели высшее техническое образование. Николай Иванович обычно один раз в три года ездил к ним в отпуск на пять месяцев, обязательно совершив также вояж на Кавказ или в Крым и вернувшись в Сеймчан с лоснящейся загорелой лысиной. Был он невысокого роста, сутулый, с брюшком, но плотный и подвижный. Любил и умел выпить, но почти всегда знал норму. Говор Николая Ивановича выдавал его мало-росские корни.

Он тоже прибыл в колымские края не по зову сердца, однако благодаря своим золотым рукам, коммуникабельности и оптимизму быстро попал у начальства зоны на особое положение. Я не очень интересовался, уголовный он или политический. Скорее, думал я, второе, – за язык. И ошибся. Оказывается, до лагеря Николай Иванович был милиционером (тогда говорили не «мент», а «мильтон», «мусор») и получил срок как «стекольщик», так в лагерях в те времена называли людей, имевших слабость к юным невинным девушкам.

Каким образом ему, бывшему милиционеру, да ещё с такой статьёй, удалось выжить в лагерях и не стать «петухом», просто удивительно. По некоторым сведениям, он постоянно сотрудничал с лагерной администрацией.

Емельянович и Николай Иванович не любили друг друга.

Последний раз я побывал в Сеймчане перед полевым сезоном в 1987 году и, зайдя зачем-то в «Полярку», увидел под потолком на стремянке Николая Ивановича, который менял электропроводку. Он узнал меня, хотя мы не виделись почти десять лет, и начал балагурить. Ему шёл 79-ый год.

Клим Михайлович

Клим Михайлович Липский, сухощавый жилистый мужчина, заведовал экспедиционным складом, который, как и положено таким сооружениям, располагался на окраине посёлка за его последними кособокими бараками по левой стороне дороги на 3-тью фабрику (бывший лагерь, где добывали оловянную руду). Перед входом на территорию склада, где зимой хранилось снаряжение полевых и стационарных партий, а перед полевым сезоном завозились новая спецодежда и продукты, находились ворота и небольшая рубленая деревянная проходная с печкой, где в рабочее время и сидел заведующий складом, а в ночные часы дежурил охранник с ружьём.

Клим Михайлович был родом то ли с самой западной границы СССР, которая стала советской осенью 1939 года и где жили поляки, евреи, украинцы, молдаване и русины, то ли даже родом из Польши. Он очень хорошо говорил по-русски, но с ярко выраженным польским акцентом. Осуждён Клим Михайлович был по статье за национализм. Не знаю, каким уж там националистом был Липский, но знаю, что людей он оценивал уж точно не по пятой графе. Клим Михайлович говорил не спеша; любил пофилософствовать о жизни вообще и о предназначении в ней конкретного индивидуума, в частности. Своего скептического отношения к коммунистическим идеям не скрывал, хотя особенно на эти темы не распространялся.

У него была спокойная черноволосая жена с породистым очень интеллигентным лицом. Она тоже прошла колымские лагеря, по национальности была наполовину русская, наполовину – голландка. Я, к своему большому удивлению, впервые узнал тогда, что после войны многие европейские государства, которые сейчас так любят говорить о демократии и правах человека, подписали с СССР соглашение, по которому все их жители, имеющие русские корни, могли быть интернированы на территорию своей исторической Родины, что активно и приводилось в исполнение, причём особенно (а точнее, совсем) не ориентируясь на желание интернированных. Некоторые из них, родившиеся уже не в России и не в СССР, даже не знали русского

языка, что, впрочем, было редкостью. Таким исключением была и жена Липского. Её отец, оказавшийся после революции в Голландии, женился на голландке, но оба родителя погибли, когда она ещё была маленьким ребёнком. Девочка воспитывалась потом в голландской семье, кажется, даже не подозревая о своей национальности. Чудны дела твои, Господи! В конце войны она была уже молодой девушкой, когда, как говорится, и «попала под раздачу», проехав в закрытых вагонах от берегов Западной Атлантики до берегов Западной Пацифики.

У Липских было два замечательных парня – высоких, плечистых, с узкими талиями и красивыми лицами. Оба учились очень хорошо, были музыкальны и имели математические способности. Старший сын ещё при моём пребывании в Сеймчане закончил школу и поступил на матмех в Ленинградский университет, который потом с блеском закончил, кажется, по специальности математический лингвист.

Клим Михайлович был исключительно честным человеком и патологически не любил нечестных людей, что как-то совсем уж не вязалось с той должностью, которую он занимал. В конце 60-ых – начале 70-ых годов Липский получил, наконец, разрешение посетить свою историческую Родину. Вернувшись, он рассказывал нам о своих впечатлениях и наблюдениях. Они подчас были оригинальны, интересны и забавны.

Например, о Польше: «Ну, что я могу сказать о своих земляках. Они и раньше-то не очень любили работать, а сейчас уж совсем разленились». О немцах и Германии, которую он также посетил в эту поездку: «Они, конечно, очень организованы, честны и, как правило, порядочны. Но им, как это ни парадоксально, нередко мешает именно их Ordnung, ведь если немцы получили приказ взять железнодорожный вокзал, то они обязательно перед взятием вокзала купят перронные билеты! Но что ведь поразительно: даже трудолюбивых немцев социализм испортил и т.д.»

Дядя Миша

Дядя Миша, как все сеймчанцы звали высокого, мощного, чуть сутуловатого и слегка грузного, но всё ещё со следами былой военной выправки старика, был очень колоритен и своим внешним видом, и манерой поведения. Это был настоящий осколок Российской Империи; родом с юга Ставрополя, княжеского рода с фамилией Подкозьин, родившийся ещё в XIX веке. Он успел захватить конец Первой мировой и заслужить «Георгия» в казачьих войсках, а в годы Гражданской войны в качестве казачьего есаула участвовал в белом движении «добровольческой» армии генерала

Разговор у костра

Каледина, а затем из Крыма бежал в Турцию. У дяди Миши была очень интересная биография, где его удивительные странствия и скитания тесно переплетались с вымыслами. По природе своей он был игрок и авантюрист. Каким-то образом его занесло в Калифорнию и он разбогател, участвуя в разработке золотых россыпей. Потом прогорел и оказался в Африке, где подвизался на плантациях какао. Опять что-то помешало стать богатым и вот он уже в Китае, в Харбине, где в 1945 году арестован советскими чекистами и отправлен в колымские лагеря за шпионаж в пользу Японии. В США у дяди Миши была дочь, по местной легенде (может быть, так было и на самом деле) - ну, очень богатая!

Дядя Миша, несмотря на русскую фамилию, имел северокавказскую внешность с обязательным её атрибутом – усами – и говорил с сильным горским акцентом. Он был обладателем скульптурного лица с внушительным орлиным профилем и мощным лбом. У нас в посёлке дядя Миша заведовал «Вечерним рестораном», который, как я уже писал выше, работал в помещении дневной столовой. Однако, кажется, в юбилейный ленинский год к старой столовой было пристроено новое здание с отдельным входом и современным интерьером, довольно высоким потолком и многочисленными колоннами, сделанными из буровых труб большого диаметра. В оформлении участвовали приезжие художники и дизайнеры. Стены нового, теперь уже настоящего ресторана, были расписаны видами заснеженных горных вершин на фоне синешоющей морской дали с чайками, а также чукчами на берегу, ловившими маутами оленей. Дядя Миша был счастлив и на открытие ресторана специально сшил в местном ателье великолепный белый костюм, а шею его украшала элегантная чёрная «бабочка». Кстати сказать, в ателье посёлка было два очень приличных закройщика ростовского разлива.

Внешность-то у дяди Миши была внушительная, но с извилинами было не очень, хотя послушать его рассказы о прожитом было порой интересно – особенно об отступлении в Крыму. Кое-что в них напоминало отдельные главы из романа советского графа А.Н.Толстого «Хождение по мукам» или, скорее, «Похождение графа Невзорова, или Ибикус», а также булгаковский «Бег», которые дядя Миша, конечно, не читал.

Гусарский (казачий) дух дяди Миши постоянно требовал праздника. Он любил, когда геологи (а это было два раза в году – в первую субботу апреля перед Днём геолога и осенью в конце октября – в ноябре на вечер полевииков после очередного сезона) снимали ресторан на весь вечер. Была самодеятельность, затем возлияния и гуляние с дикими плясками. Поэтому уже в марте и сразу после прибытия осенью в посёлок после сезонных работ первых полевииков дядя Миша, встречая геологов, потирал руки и нетерпеливо вопрошал: «Ну что, как? Когда гулять будем? Скоро?». Он с нетерпением ждал этих дней и готовился к ним. В эти дни он был очень элегантен и

встречал гостей, стоя у входа в зал нового ресторана. Вероятно, это отчасти напоминало ему его бесшабашную молодость и кабаки где-нибудь в Екатеринодаре. Хотя не то, размах не тот. «Дерутся у Вас мало,» - с сожалением говорил дядя Миша. Когда дядя Миша обижался, а это иногда случалось, он начинал бормотать: «Нищие, нищие; все вы – нищие. Нищий народ». Нас это обычно веселило.

Сказать о дяде Мише, что он любил женщин, значит, ничего не сказать. Он обожал их всеми фибрами души. Когда у него дома порой прихватывало сердце и приезжала скорая помощь – сделать укол, горский князь очень расстраивался, если это была не милостивая молодая медсестра, а хоть и более опытная, но не столь эффектная пожилая дама.

В середине 70-ых в посёлок приехал преуспевающий корреспондент из областной газеты, походил по посёлку, поговорил с народом, зашёл в среднюю школу, посидел вечером в ресторане и убыл к себе в Магадан. Через некоторое время в «Магаданской правде» появилась громадная статья с примерным названием «Две судьбы». В этой статье были сравнительные биографии двух пожилых (около 80 и за 80 лет) жителей посёлка Сеймчан; один из которых, уважаемый директор школы, коммунист, якут, всю жизнь сеял разумное, доброе, вечное и строил социализм, аки пчёлка, носящая в общий улей мёд, а второй – бывший князь, недобиток, был ярым врагом Советской власти и всю жизнь с ней боролся. Этот второй был, конечно, дядя Миша, которого мы все искренне любили. Справедливости ради надо заметить, что директор школы был действительно достойным человеком, но дядя Миша представлял читателю уж совсем злодеем, каким он, конечно, не был. Дядя Миша слёг надолго и, кажется, уже не оправился. А какой уж День геолога или вечер полевииков без него. Не то, совсем не то...

Сектант

Я забыл, а, может быть, никогда и не знал, как звали этого высокого седого жилистого и мосластого старика родом то ли из Западной Украины, то ли из Литвы. В экспедиции он числился, кажется, разнорабочим, хотя чаще всего занимался плотницкими работами – делал стеллажи для образцов, всякие там полочки, табуретки и т.д.; мог также штукатурировать, малярничать, делать ремонты помещений и прочее. Поговаривали, что он берётся за любую работу и после окончания рабочего дня, если, конечно, она оплачивается.

Он всегда ходил в старых ватных штанах и телогрейке чёрного цвета, простроченных вертикальными стежками; зимой на ногах у него были старые подшитые валенки, весной – старые кирзовые сапоги, а на голове – помятая шапка-ушанка зековского пошива с постоянно опущенными ушами.

В праздники (особенно церковные) он переодевался в одежду того же покроя, но чистую, и носил под телогрейкой белую рубашку. Впрочем, надо сделать оговорку,

что за всё время моей работы на Северо-Востоке – более 11 лет, в тёплое время года я его не видел, так как бывал на полевых работах, посему, естественно, не знаю, какой гардероб он предпочитал летом. У него были очень кривые ноги, и ходил он весьма странно – быстро, но как-то хромяя на обе ноги.

Обычно этот персонаж был малоразговорчив, но временами изменял себе, особенно зимой, когда попадал с холода, где делал какие-нибудь работы, в тёплое помещение экспедиции. Вероятно, тепло расслабляло его, действуя, как наркотик; он оживлялся и начинал разглагольствовать на бытовые темы, обязательно вставляя в свою речь притчи из священного писания, которые произносил особым елейным голосом. Он совершенно не употреблял бранных слов, тем более, нецензурных. Мы, молодые ребята, слушая его, как сейчас говорит молодёжь, «балдели и прикалывались».

Я совсем не интересовался его биографией до тех пор, пока в экспедиции не разразился скандал, связанный с одной школьницей, которая попала вместе с матерью в секту баптистов, возглавляемую, как оказалось, героем нашего рассказика. Оказывается, он среди определённых слоёв населения вёл активную религиозную агитацию, что тогда, естественно, не поощрялось, а ячейка, которую он возглавлял, являлась частью секты, центр которой находился во Львове, куда он исправно ежемесячно отсылал деньги – большую часть своих кровных рублей, оставляя себе крохи и питаясь, что называется, святым духом, и деньги, собираемые со своей паствы.

Те, кто старше 25-30 лет, знают, что в советские времена успешно собиралась и сдавалась в специальные пункты приёма различная стеклотара.

Однако, в Сеймчане такой пункт открыли лишь в конце 60-ых годов; до этого времени бутылки выбрасывались на помойку или даже просто на крышу, выходя из дома. Так вот, одним из наиболее активных сборщиков бутылок, особенно в рабочих общежитиях после приезда рабочих с сезонных работ или сменных буровых бригад, стал, естественно, наш баптист. У него были большие самодельные нарты, которые он нагрязил доверху, закрывал брезентом, тщательно завязывал и вёз на окраину посёлка, где был пункт приёма стеклотары. Так что отходы несправедливой жизни трансформировались в средства для поддержания жизни праведной, т.е., как сказал поэт (правда, по другому поводу) «Когда б Вы знали, из какого сора...».

Вёл баптист замечательно праведный образ жизни и о политике не говорил никогда. Единственный раз, помню, похвалил власть за то, что суббота стала выходным днём – это, когда шестидневная неделя сменилась пятидневкой в конце 60-ых годов, – ведь у его секты суббота должна быть выходной (не путать с иудейской шабат!).

Когда произошёл упомянутый скандал, я спросил у Емельяновича о прошлом баптиста, поинтересовался за что он сидел – политический (националист) или мужик

(«за колоски»), а, может быть, полицией по молодости. Емельянович засмеялся: «Да ты знаешь, почему он так ходит? Он – живая легенда; три побега с Колымы, обе ноги прострелены и сломаны. Бывший вор в законе, полностью погрузившийся в идею спасения души. Вот так, друг мой. Чудны дела твои, Господи. Помнишь, как там у Некрасова о Кудеяре: «Вдруг в этом страшном разбойнике совесть Господь пробудил».

Бывшие з/к среднего возраста Саша Пожарский (Абатурский)

Был ранний апрель. Мы готовились к «весновке». Стояли прекрасные солнечные дни. Закаты были великолепны. Днём на солнце уже сильно припекало и капало с крыш, но ночью температуры были всё ещё до -30° и ниже.

Мой начальник и я занимались вулканизацией лодки, используя жидкую резину, резину для заплат, керосин и обычный электрический утюг. В этот момент в кабинете появился высокий прилично одетый мужчина лет тридцати в очках от солнца и вежливо поинтересовался, куда ли он попал. - «Да, туда, это – кабинет Конгинской партии. А Вам, собственно, чего? - Да вот, хочу устроиться завхозом на полевой сезон».

Мы были озадачены. Ведь на это место (должности такой по штатному расписанию, естественно, нет, но нужен рабочий, который остаётся на полевой базе партии один, когда остальные сотрудники в маршрутах на протяжении от двух-трёх недель до месяца и иногда более, а когда вся команда числом в десять – двенадцать человек возвращается на три-четыре дня передохнуть перед новыми маршрутами и затариться продуктами, он им готовит и печёт хлеб в значительных количествах) обычно берут опытного относительно пожилого мужичка (именно мужичка), лучше флегматика и с хорошими нервами. А тут такой почти голливудский герой, указательным и большим пальцем взявший разрезанную резиновую камеру и промолвивший вопросительно: «Что, лодочку клеите?». Ну, совсем не тот кадр, но деваться было некуда – вылет в поле «на весновку», т.е. строительство базы, через несколько дней. Двое рабочих уже есть. Один наш старый проверенный кадр – промывальщик. В прошлом, – старший лейтенант, красавец. Затем, по пьяному делу, докатившийся до места матроса на барже, возившей по реке Лене спирт-ректификат в бочках и получивший затем небольшой срок, после которого крепко застрял на Севере. Второй – тоже бродяга, но с небольшим стажем, ещё даже и не бич. В прошлом деревенский парень, после армии попавший на Север не помню уж каким образом. Он умеет обращаться с лошадьми и будет у нас летом конюхом, или, как тут у нас говорят, каюром. А вот завхоза никак не найти.

Так мы познакомились с Сашей Пожарским и вчетвером, кажется, 19 апреля, вылетели в пос. Омолон. Это – оленеводческий посёлок с хорошей взлётно-посадочной полосой на правом (уже чукотском) берегу одноименной реки – самого крупного

Разговор у костра

правого притока р. Колымы. Надо сказать, с Сашей было нескучно. Молчуном его никак нельзя было назвать. Ещё до отлёта из Сеймчана он успел рассказать много забавных бытовых случаев на самые разные темы, позабавить неизвестными нам и вполне приличными анекдотами и, в отличие от абсолютного большинства наёмных рабочих, совершенно не требовал денег и вёл себя независимо. Только перед вылетом, после загрузки Ли-2, сидя рядом с Сашей на скамейке в лучах уже ласкового, но нежаркого солнца, я узнал, что паспорта у него пока нет, и устроился он к нам на работу по справке об освобождении, но после «откидки» уже успел поработать три месяца на рыбалке в пос. Ола, что вблизи Магадана.

Я знал, что расспрашивать на воле, по какой статье сидел, не принято; если человек захочет – сам расскажет. Саша не заставил себя ждать и показал справку с тремя судимостями общим сроком более 8 лет. Первые две отсидки были покороче, а последняя 4 года и все за жульничество. Да, мелькнуло у меня в голове, хороший кадр на место завхоза; ничего не скажешь.

В Омолоне мы просидели несколько дней. Ждали из родного Сеймчана Ми-8, который обслуживал оленеводческие стада (поскольку шла пора весеннего отёла), а затем должен был забросить нас и пять лошадей в качестве нашего будущего летнего гужевого транспорта в поле на р. Карбасчан – правый приток р. Омолон. Это – примерно 90-95 км по прямой от пос. Омолон. Жили мы в здании аэропорта около взлётной полосы на краю посёлка. В тайге за полосой по вечерам бешено хохотали куропатки, иногда залетая прямо в посёлок. Начинаясь пора их свадеб. Спали мы в спальнях мешках на полу в зале, который именовался «Залом Чайковского». Это было довольно просторное помещение с небольшой прихожей, получившее своё название, между прочим, не только от имени известного композитора, но и от всеми нами любимого полевого крепко заваренного напитка, чая. Сейчас в «Зале Чайковского» было свободно. Но так бывало не всегда. Временами, особенно осенью, здесь было не продохнуть. Помимо геологов, в помещении жили работники ближних метеостанций, отбывавшие в отпуск, охотники, рыбаки, ожидавшие бортов, иногда заходили очень экзотические местные жители. Прилетавшие пилоты также подчас заходили сюда, чтобы попить настоящего, не столового чая и поболтать со знакомыми таёжниками.

Утром и иногда в обед мы питались в столовой, которая находилась недалеко от аэропорта. Несмотря на малюсенькие габариты, буквально три стола, готовили здесь великолепно – если зайчатина, то такое бедро, что не помещалось в тарелке и радовало глаз поджаристой, аппетитной корочкой, а если оленина, то либо свежая печень, либо языки и т.д. Я по инструкции начальника не давал рабочим денег наличными, а пропускал их в очереди впереди себя, а затем платил за них. Они, конеч-

но, говорили, что сами найдут дорогу в столовую и всячески пытались выпросить деньги. Один только Саша денег не просил. Через несколько дней я стал замечать, что его большой рюкзак становится меньше объёмом, а мои рабочие не совсем трезвые, кроме самого Саши. Как выяснилось потом, когда он был в пос. Ола на рыбалке, то запялся там сетями, справедливо рассудив, что они понадобятся ему в дальнейшем в качестве твёрдой валюты.

В полевых условиях Саша оказался удивительно умелым, сообразительным и хорошим работником. Он умел работать топором, хорошо готовил, пёк вкусный хлеб в бочке-пекарне и т.д. А главное, был почти всегда в хорошем настроении. Всё у него спорилось в руках. Он не уставал рассказывать нам всё новые и новые забавные истории. Саша поведал мне, что он из семьи довольно крупного партийного работника г. Свердловска и своей непутёвой жизнью подтверждает известную поговорку, что в семье не без урода, т.к. уже с восьмого-девятого класса пошёл по скользкой преступной дорожке. «Дурачком был. С такой ерунды начинали. Зайдём, например, с дружкой в универмаг в плащах. Оба молодые, весёлые, красивые; оба трепачи. Он пиджачок примерит, я – брючки, или наоборот. Потом, пока один с продавщицей треплется, другой выходит. Второй – за ним и сразу на автобус до ближайшего комиссионного магазина, где и скидываем добычу. И вот ведь, заразы, за новый костюм в комиссионке сразу скидка до 20%. Где справедливость?».

А вот ещё один рассказ Саши: «Оказался я как-то в Красноярске при деньгах после одного дела. Приоделся, живу в приличной гостинице. Как-то познакомился в этой гостинице с одним мужиком. Приятный такой. То да сё, в шахматы сразились. Я приглашаю его в ресторан. Он говорит, что рад бы, да на мели. Не проблема, говорю, у меня с этим всё в порядке. Мужик этот – инженер из Новосибирска и здесь в командировке, но поиздержался. Спросил меня, а кем же я работаю. Я, потупясь и пошмыгав носом, сказал, что вообще-то говорить бы не следовало, но ладно уж, скажу. Профессия моя очень нужная, люди мы тихие, короче, – капитан КГБ. Он немного поёрзал, но ничего. Встречались ещё раза три. Он мне свой адрес дал. Прошло года полтора и занесло меня в Новосибирск, жил в одной из гостиниц. С тугриками совсем плохо было, и дел подходящих нет. Иду по городу и кто-то меня по плечу. Смотрю – тот инженер. Обрадовался мне, приглашает в ресторан; дескать, у меня в долгу. Я – в отказ, на мели. Зато, говорит, у меня всё нормально. Сидим за столиком. Он поинтересовался, а правда ли, что я капитан КГБ. Да, говорю, вот и документ при мне и показываю ему справку с двумя судимостями. Интересовала меня его реакция. Ничего он, не смутился и даже засмеялся. Рассстались, больше я его не видел. Но он-то действительно инженером был».

В начале июня прилетел наш начальник со всеми остальными ИТР и рабочими;

через некоторое время начались полевые работы с «заходами» на 20-30 дней. Когда мы явились на базу после первого захода, то нашли Сашу в полном здравии и хорошем настроении. Он не тяготился одиночеством. Сделал полочки в предбаннике, удобный сход к воде по крутому берегу, наловил хариусов, вялил и коптил их. Около его нар в палатке валялись художественные книги нашей полевой библиотечки и даже «Общая геология» Горшкова и Яковлевой, МГУ. После бани, вечером, мы немного, грамм по 200, выпили с рабочими. Саша приготовил отличную закуску и напёк блинов. Всё было нормально, но утром, к нашему удивлению, рабочие были смертельно пьяны и вповалку спали около палаток, облепленные комарами. Один Саша, хоть и весьма помятый, но был вполне адекватен и приготовил нам завтрак вовремя. Это продолжалось ещё два дня. Не надо было быть Пинкертоном, чтобы догадаться, что Саша где-то ставит брагу, а скорее, – гонит самогон. Где идёт этот процесс, обычно вычислить в полевых условиях несложно, но в этот раз нигде не было никаких следов. Так наш завхоз впервые показал свои зубы.

Во второй половине июля стояла страшная изнуряющая жара, которую изредка разнообразили кратковременные ливни с грозами. Тайга на другой стороне Омолона и к северу от нас на Олое горела. Мы в это время работали километров в 25-30 от нашей базы. Здесь леса было мало, рельеф гористый; на гольцах нас освежал ветерок, который вместе с тем временами приносил запах гари. Солнце в таких случаях едва угадывалось сквозь оранжево-серую дымовую завесу.

«Как там у нас на базе, не горит ли» – думали мы. Однажды, когда ветер разогнал дым в той стороне, где была база, мы, находясь в маршруте на горной гряде, увидели высокий густой столб чёрного дыма. Явно это горел смолистый кедровый стланик, который в изобилии рос на вершинах пологих сопок среди болот, окружающих нашу базу. Когда я вернулся из маршрута, начальник, тоже видевший столб дыма, сказал: «Надо идти туда и выяснить, что с базой. Заодно и хлеба сюда притащите». Ранним утром я и мой техник-радиометрист, бросив в рюкзак пару пачек галет, пачку чая и тушёнку, двинулись в заданном направлении. Когда до базы оставалось километров семь, мы поняли, что горит не на базе, а в нескольких километрах от неё на другой стороне р. Карбасчан. Как говорится, от сердца отлегло.

Саша встретил нас радушно; накормил, напоил после бани и рассказал, что пожар произошёл в результате возгорания сухой травы при взлёте вертолёт три дня назад. А сел этот вертолёт, завозивший почту и письма геологическим партиям, на болоте для того, чтобы разделать убиенного сохотого и потом снабдить мясом (кому бёдра, кому передние ноги, кому рёбра и т.д.) эти же партии. На борту, помимо экипажа из трёх человек, находился наш легендарный, всеми любимым начальник геолого-поискового отдела бравый Кирилл

Симаков, ставший впоследствии академиком, и его заместитель. А возгорание произошло так. Вертолёт заправился из бочки, которую затем выбросили из него на траву. При взлёте кто-то обратил внимание, что на хвосте вертолётного огня и сообщил первому пилоту. Тот буквально «бросил» борт вниз и действительно сбил пламя, но зато хвост вертолётного отвалился, полыхнула сухая трава, и огонь быстро стал «съедать» кочку за кочкой. Экипаж и геологи пытались загасить начавшийся пожар, но поздно – «поезд уже ушёл».

«Два дня назад прилетел другой борт и увёз потерпевших. Зато привёз и оставил здесь пожарных, которые вчера растворились в тайге», – пояснил Саша. Специальных пожарных служб в районе не было. Про то, каких «специалистов» забрасывают на тушение пожаров, мы уже знали. Их обычно в спешке набирали из ближайшего посёлка, где находился вертолёт. Это были местные жители-добровольцы; как правило, рыбаки и охотники. Они запасались рыболовными снастями, продуктами, солью, брали ружья, нередко собак и с удовольствием летели на пожар, но не тушить его, а выйти на ближайшую речку, половить и послать рыбку; собирать, если поспели, ягоды и грибы и т.д. По рассказам лётчиков, таких пожарных потом не так-то просто было найти – они прятались от вертолёт. Чего-то им ещё и приплачивали. Саша очень смешно и в лицах рассказывал, как выглядели пижоны-лётчики в белых, модных тогда нейлоновых рубашках, в форме и в туфельках после 4-х-километрового перехода по кочке от места падения вертушки до нашей базы. Конечно, у них по ТБ на борту всегда должна быть рабочая одежда, резиновые сапоги и т.д., но в данном случае всё это они оставили на своей временной базе в Омолоне.

Первый пилот, очень славный и смелый парень Витя сразу сказал Саше, что хочет с ним поговорить с глазу на глаз. Слегка замявшись, он произнёс: «Дело тут такое, что светит мне небо в решётке. Выручай, Саша. Мы уже отправили радиограмму о падении вертушки и сказали, где нас искать. У комиссии будет вопрос, зачем я сделал посадку в 4-х км от вашей базы. Скажи, что ты шёл стрелять, например, гусей, увидел вертолёт, снял накомарник и стал им махать. Мы решили – ЧП и соответственно сели в этом месте, а когда стали подниматься, от выхлопа загорелась трава и т.д.». Саша ответил: «Базара нет. Вижу, вы пацаны нормальные; всё будет путём»; после чего накормил их, напоил и в чистые вкладыши в спальнях мешках спать уложил.

И, действительно, как потом выяснилось, он так замечательно сыграл свою роль, что члены комиссии, слушая его, чуть не прослезились, а командир Ми-8 Витя получил благодарность за решительные действия и спасение команды. К этой истории я ещё вернуться ниже.

На следующий день мы отправились обратно в полевой лагерь с добрыми вещами, хлебом, накануне вечером испечен-

Разговор у костра

ным Сашей, и копчёным мясом сохатого. Маршруты продолжались.

Когда мы вновь оказались на базе после этого изнуряющего захода, то обнаружили, помимо нашего завхоза Саши, четвероногого по кличке Черкес. Это был замечательный красавец, лайка. В нём чувствовалась настоящая порода. Очень сдержанный, знающий себе цену и, в то же время, дружелюбный пёс, сразу стал всеобщим любимцем.

«Откуда он взялся?» – поинтересовались мы. «Да так, в карты выиграл у одного из пожарных, когда они пришли ко мне погреть. Говорят, его хозяин в Омолоне по пьяне застрелился; ну, мужики его и взяли с собой, чтобы не горевал. Добрая собака. Польза от него будет», – ответил Саша. Польза была налицо. Наш погреб был полон мяса, а в речке стояли банки из-под борща, которые Саша заполнил самодельной тушёной сохатиной, по вкусу не уступающей тушёной говядине.

Это был настоящий охотничий пёс с большой буквы. Таких я за всё время жития на Северо-Востоке видел единицы. Когда нужно было мясо, требовалось привязать его к дереву и не кормить дня два, а потом отпустить. Пёс моментально убежал в тайгу и через некоторое время (полчаса, час, два...) слышался лай. А далее надо было взять карабин и отправиться за мясом. Черкес мог лаять часами до хрипоты и ждать, когда придут люди, а сохатый в это время стоял, как привязанный. Охотники о таких лайках с уважением говорят: «Сохатого держит».

В этот раз Саша в своей обычной скomorошечной манере рассказал, что он человек бедный, потому что платит Государству алименты, поскольку более трёх лет находился во Всесоюзном розыске, а стоит это дорого. За это время покочесил он по стране и будто бы было у него четыре «ксивы» (паспорта), но больше всего ему нравился документ с фамилией Абажурский. От безденежья и боязни попасться на каком-нибудь мелком нарушении закона, странствовал он по деревням средней полосы и нанимался на временные работы. То с группой бродяг за предложенные неплохие деньги ломал старую часовенку, да не тут-то было. Раствор, который скреплял кирпичи, оказался такой, что даже кирпичи ломались, а ему – хоть бы что (наверно, на яйцах замешан был?). То подвизался пасти коров, которых раньше видел преимущественно на картинках, и будто бы один добротот из местных пьянчуг под-сказал ему, как пасти, чтобы коровы не разбежались, а выглядели сытыми. Нужно было с утра дать им полизать промысловой соли, которой было вдосталь на соседнем складе, а уж потом гнать на поле около речки. Коровки, не разбежась, немного пощиплют травку и в реку – хлебать воду. Глядишь, на месте, и вид у них справный. Только вот с молоком плохо. Еле потом

ноги унёс. И решил тогда Саша податься на Соколово-Сарбайское месторождение, где по слухам, его старший путёвый брат с высшим техническим образованием работал вторым секретарём райкома партии. Оказавшись на месте, Саша выбрал время, когда брат шёл домой на обед, и в малолюдном месте пошёл сзади. «Витя, не оборачивайся. Это твой непутёвый брат Саша. Я во Всесоюзном розыске, документ в порядке, но ФИО другие. Устрой меня на работу. Ты знаешь, я многое умею. Лучше всего в мехцех. Но если хочешь – заложи меня, я в претензии не буду. Сам не знаю, как поступил бы на твоём месте».

Так он стал работать автослесарем (документ, тоже поддельный, имелся). Дали комнатку в общежитии, участвовал в местной самодеятельности, выпуске стенгазеты и т.д. Совсем не пил. Стали его начальники на охоту с собой брать. А охота такая – уедут в степь на какой-нибудь сай, напьются и стреляют по бутылкам. Наш герой за ними ухаживает, потому в фаворе, да и премии в конце квартала. Отъелся, наконец. Начальство стало интересоваться, почему не в комсомоле, обязательно вступить надо. Саша и так, и сяк: «Не достоин пока, не созрел», ведь не скажешь, что из комсомола ещё в 8 классе выгнали. Приезжает молодая специалистка, после техникума. Спортсменка, комсомолка, отличница. Влюбилась в Сашу, а он от неё бегаёт. Ну, зачем ему это, да и девочку жалко. «Ведь что-то же человеческое во мне осталось», – говорит он нам, смеясь. Всё же кончилось тем, что пришлось сыграть свадьбу, да ещё комсомольско-молодёжную. Дали молодожёнам однокомнатную квартиру. Живут-поживают, горя не знают. Саша показывает нам фотографию: «Это дом, где мы жили. Это моя собака, а это – моя жена». И вдруг очень приятным баритоном поёт: «Я встретил Вас, и всё былое...».

Жена, кажется, в положении. Солнечный день, но ветерок и с утра не жарко. Саша в мехцехе на лежке под «Газоном» закручивает какую-то гайку. Слышит шум мотора, подъезжает «Раковая шейка», т.е. милицейская машина. Из неё выходит участковый и ещё двое в штатском. Подходят к Сашину начальству, потом к машине, под которой Саша. Всё ясно. «Абажурский?». – «Он самый». – «Тут, знаете ли, что-то не то с паспортом, вылезайте». – «Да что Вы, у меня работа срочная». – «Ничего, работа потерпит». Садятся в машину, причём Саша собирается сесть с краю, но его сажают между двумя штатскими. Заезжают домой к Саше за паспортом, жена дома. «Ой, Саша, почему ты с милиционером? Ты что-то натворил?» – «Конечно, нет, моя радость. Ты ж меня знаешь. Что-то с паспортом, я скоро вернусь, но дай мне ватник, что-то знобит, хоть на улице и жарко». Саша разъясняет нам: «Ведь придётся спать на нарах, а жёстко». После этого этапируют его

в Свердловск к месту совершения противозаконных деяний и получает он «пятёрку», но выходит через четыре года за хорошее поведение.

«Всё имеет свой конец, своё начало», – поёт наш питерский бард. Закончился полевой сезон, и в первой половине сентября я с рабочими отправился перегонять лошадей в пос. Омолон, т.к. собирался в длительный отпуск за три года. Саша остался на базе с начальником, техником-геологом и ещё несколькими рабочими. При прощании я спросил, не собирается ли он ещё раз в поле с геологами. Саша засмеялся: «Да ты чё! Понтов нет. Скучновато, да и не заработаешь тут у вас. Уж больно вы хорошие и простодушные ребята. Это всё равно, что детей обижать. Посмотрел, кругозор расширил и хватит».

Учебник геологии Горшкова прочитал, полезно. Может быть, геологом где-нибудь прикинусь».

В Сеймчан после отпуска я вернулся в феврале следующего года. Мой друг Олег рассказал новости. Оказывается, после моего ухода с базы пёс Черкес научил мою Бульку держать сохатого и лаять громко! Поясняя: перед весновкой мне дали собаку по кличке Булька, оставшуюся без хозяина. Это была сучка, серовато-рыжего окраска лаечной породы. Тихая, спокойная. Уже перед полем в посёлке Омолон она ела очень мало, но имела вполне здоровый вид и не была тощей. Оказывается, убегая в лес, она «мышковала», т.е. охотилась на мышшей и ела их, как это делают лисы, молодые волки и настоящие северные лайки. То же продолжалось и в поле. Ещё одной особенностью Бульки было то, что она почти не лаяла, а только слабо потягивала. Но когда осенью она влюбилась в Черкеса и стала с ним бегать, то (о великое чудо-Маниту) у неё прорезался приятный громкий голос и она научилась «держат» сохатого.

Теперь про Сашу. Оказывается, он умудрился обыграть буквально всех наших рабочих подчистую в карты на все их полевые заработки. При этом вначале не участвовал в играх (играли в очко и в буру). Приглашали и его. Он в своей обычной манере отвечал, что шулер, и поэтому им играть с ним бесполезно. Естественно, завёл ребят и они, чуть ли не насильно, усадили его играть. И вот вам результат, одиннадцать негрятя! И это ещё не всё. Когда Саша, балагурия и совершенно заговорив нашу очень опытную кассиршу, получал в кассе свой расчёт, та выдала ему значительно более крупную сумму. Уже после его отъезда из Сеймчана, она взволнованно говорила: «Он буквально заигнотизировал меня. Никогда со мной такого не было». Позднее выяснили, что Саша уехал в Тауйск, и послали туда письмо с просьбой вернуть деньги, что он и сделал; вероятно, решив не светиться лишним раз.

Теперь продолжение истории с летним пожаром около нашей полевой базы. Первый

пилот Ми-8 рассказал как-то в приватной беседе, что когда попросил Сашу дать комиссии соответствующую версию случившегося (см. выше), Саша, кивнув головой, ответил: «Дело серьёзное, командир. Плохо ТАМ тебе будет! Помогу я тебе, но вы люди богатые, а я – бедный. Короче, 500 рублей и пилотская форма. Всё будет в ажуре». Обалдевший Витя выдал из себя: «А форма-то тебе зачем?». – «Да уж больно красивая и для дела может пригодиться».

Зимой Олег был в командировке в Магадане. На одной из улиц навстречу ему, слегка прихрамывая, шёл высокий симпатичный пилот, улыбаясь во всё лицо. «До чего физия знакомая. Где ж я его видел?» – вспомнил Олег. «Что, своих не узнаёшь?». Это был Саша; форма очень ему шла. «Ну, как ты?» – спросил Олег. – «Да, вот, перечиваюсь на ЯК-40. Кстати, пусть начальник ваш не сердчает. Это я «Спидолу» из вьючника взял как сувенир на память о сезоне и о вас – хороших ребятах». Опять пояснение: у нас в поле был приёмник «Спидола». Перед отъездом начальник партии положил его во вьючный ящик вместе с документами и повесил на ящике большой замок. Ящик этот он почти не оставлял без присмотра. Каково же было его удивление, когда, уже в Сеймчане, раскрыв вьючник, он не обнаружил там приёмника. Слава богу, всё остальное было на месте.

Послесловие

Поскольку я был в отпуске, Бульку и Черкеса отдали в стационарную геологоразведочную партию, базирующуюся недалеко от Омолона. Булька родила замечательных щенят, которых сразу разобрали. Лег через пять в Омолоне я видел уже их внуков, которые очень ценились, как зверовые собаки. Но Черкес и Булька не пережили и первую зиму – они были застрелены пьяными рабочими (возможно, на мясо).

Славный пилот и наш друг Витя Балашов, отец двоих детей, разбился через три года в возрасте Христа, выполняя в верховьях Колымы полёты с опытной геофизической аппаратурой над рельефом с допустимой высотой до 40м. Нисходящие воздушные потоки бросили вертолёт на скалистую стенку. Потом он взорвался. Второго пилота опознали по золотым часам, а Витю – по золотым коронкам. Бортмеханик Фёдор Фёдорович (ему было за сорок, он уже вылетал свой срок и собирался перед этим полевым сезоном на материк и на пенсию, но его упростили полетать ещё один сезон) сумел выбраться из вертолётки и был жив, когда прилетели спасатели. Умер он в больнице.

О Саше мы ничего больше не слышали. Но те времена были не для таких, как Саша; вот сейчас он, возможно, был бы в списке «Форбс» и баллотировался в президенты страны.

Продолжение в следующем номере
Корого Е.А.

